

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

КАРЛОВА Елена Васильевна

**Территориальная идентичность населения
в Центральной России**

Специальность 25.00.24 – Экономическая, социальная,
политическая и рекреационная география

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата географических наук

Карлова

Москва – 2015

Работа выполнена на кафедре экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

- Научный руководитель** – **Алексеев Александр Иванович**,
доктор географических наук, профессор
- Официальные оппоненты** – **Ткаченко Александр Андреевич**,
доктор географических наук, профессор,
заведующий кафедрой социально-экономической географии и территориального планирования
Тверского государственного университета
- Гриценко Антон Алексеевич**,
кандидат географических наук,
научный сотрудник лаборатории геополитических исследований
Института географии РАН (г. Москва)
- Ведущая организация** – **Московский педагогический государственный университет**

Защита диссертации состоится 29 октября 2015 г. в 15⁰⁰ на заседании диссертационного совета Д 501.001.36 при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, ГСП–1, Ленинские горы, МГУ, географический факультет, ауд. 1806.

E-mail: agir@mail.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте МГУ: <http://istina.msu.ru/dissertations/10588985>

Автореферат разослан 2 сентября 2015 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат географических наук,
старший научный сотрудник

А.А. Агирречу

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования. Изучение процессов территориальной организации общества требуют учета разнообразных факторов, среди которых на стадии постиндустриального развития значительную роль приобретают социокультурные факторы. В результате этого в географических исследованиях акцентируется внимание на изучении многих явлений, долгое время находившихся в тени социально-экономической географии, в том числе и феномена территориального (регионального) самосознания населения. Социальная география и география населения наряду с другими социально-гуманитарными науками вносит свой вклад в изучение такого компонента самосознания населения как территориальная самоидентификация и идентичность.

Актуальность исследования определяется тем, что географическая наука еще не в полной мере реализовала прикладной потенциал изучения территориальной идентичности населения. Территориальная идентичность может выступать ресурсом социокультурного и социально-экономического развития территории. В частности, она связана с маркетингом и брендингом территории, с местным предпринимательством, со становлением гражданского общества и местного самоуправления. Сформированные на основе территориальной идентичности общественные движения местного населения являются фактором развития их территории проживания, причем как положительного, так и отрицательного характера, а народные неофициальные (вернакулярные) районы воздействуют на функционирование рынка городской недвижимости. Вследствие этого наибольший интерес вызывают исследования проявлений территориальной идентичности населения на локальном уровне, уровне непосредственного межличностного и группового взаимодействия, где может наблюдаться географически детерминированная сеть социальных контактов.

Объект исследования – территориальные общности людей локального уровня (локальные сообщества).

Предмет исследования – территориальная самоидентификация и идентичность населения.

Цель диссертационного исследования – представить территориальную идентичность в качестве аналитической категории и выявить географические особенности ее локального проявления.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1) проанализировать применимость теорий идентичности для изучения territori-

альной идентичности и систематизировать междисциплинарный опыт исследования этого явления;

2) обобщить теоретические знания, сформировав специальный понятийный аппарат концептов территориальной идентичности населения;

3) изучить явление территориальной идентичности как с позиций самоидентификации человека с территорией (и/или территориальной общностью), так и в виде движущей силы общественных процессов;

4) апробировать разработанное понимание территориальной идентичности населения в эмпирических исследованиях.

Поскольку полевые (экспедиционные) исследования проводились на микрогеографическом уровне, то охватить территорию всей Центральной России было труднодостижимой задачей. Произведен выбор исследовательских случаев, в результате территориальными полигонами выступили: ряд городских районов Москвы, город Воронеж, два крупных города Орел и Белгород, два средних города Борисоглебск Воронежской области и Балашов Саратовской области, малые города Кимры Тверской области, Новохоперск и Поворино Воронежской области, Урюпинск Волгоградской области, а также сельская местность Орловской (Знаменский и Орловский районы), Воронежской (Новохоперский и Поворинский районы) и Волгоградской (Урюпинский район) областей.

Теоретическая и методологическая база исследования основывается на трудах отечественных и зарубежных ученых по тематике территориальной идентичности населения, среди которых работы географов: О.И. Вендиной, А.А. Гриценко, Д.Н. Замятина, Н.Ю. Замятиной, В.Н. Калуцкова, В.А. Колосова, М.П. Крылова, А.Г. Манакова, С.Г. Павлюка, Н.В. Петрова, К.А. Пузанова, М.В. Рагулиной, Л.В. Смирнягина, В.Н. Стрелецкого, А.А. Ткаченко, Р.Ф. Туровского, У. Зеленского, Э. Рельфа, И-Фу Туана, Г. Харда, Р. Хейл и др.; социологов (в том числе социальных психологов и социальных философов, а также культурологов): Е.Е. Горяченко, Л.Н. Гудкова, Д.С. Докучаева, Ю.Л. Качанова, Г.С. Корепанова, Д.С. Котельникова, Е.Н. Мастеницы, Н.Л. Мосиенко, И.С. Самошкиной, Н.Е. Тихоновой, Н.А. Шматко, В.А. Ядова, К. Твиггер-Росс, Д. Уззелла и др.; политологов: В.Я. Гельмана, А.А. Гончарика, М.В. Назукиной, В.И. Пантина, И.Л. Прохоренко, И.С. Семененко, С. Роккана, Д. Урвина и др. Исследования разнообразных сторон идентичности человека, чувства общности содержатся в ра-

ботах: Б. Андерсона, Э. Гидденса, М. Кастельса, Ч. Кули, Дж. Мида, Ф. Тенниса, З. Фрейда, С. Хантингтона, Я. Щепаньского, Э. Эриксона и др.

В работе использовались историко-географический, сравнительно-географический и картографический **методы исследования**, а также количественные и качественные социологические методы (массовый опрос населения, контент-анализ средств массовой информации, включенное и невключенное наблюдения, этнографические записки, неструктурированные и полуструктурированные интервью).

Информационной базой исследования послужили полевые исследования автора в период 2009–2014 гг. На протяжении этого времени собрано более 100 глубинных (индивидуальных и групповых) интервью с местными краеведами, активистами низовых социальных движений и представителями районных, городских и сельских администраций, проведен ряд социологических опросов и наблюдений за митингами и другими акциями низовых социальных движений, обработаны архивы местных средств массовой информации (региональных отделений рекламно-информационной газеты «Моя реклама» и районных общественно-политических газет). Информационную базу дополнили: данные хозяйственного учета сельских администраций Орловской области, статистические материалы Всероссийской переписи населения 2010 г., данные OpenStreetMap и дистанционного зондирования Земли, научные публикации зарубежных и российских авторов по тематике территориальной идентичности, краеведческие материалы, а также аналитические материалы Всероссийского центра изучения общественного мнения.

Научная новизна работы заключается в формировании понятийного аппарата категории «территориальная идентичность», упрощающего необходимое междисциплинарное взаимодействие при изучении этого сложного явления. Внесены предложения по развитию новых направлений: экономики и политики (конструирования) территориальной идентичности, которые могут способствовать пониманию механизмов функционирования общественных институтов. Впервые в географической науке проведено исследование низовых протестных движений, доказывающее способность территориальной идентичности выступать платформой для активных гражданских действий. Создана методика выявления вернакулярных районов на основе контент-анализа частных объявлений в сфере городской недвижимости. Предложен способ картографирования вернакулярных районов, позволяющий представить обыденное районирование как вариант географического районирования территории.

Практическая значимость. Полученные результаты могут найти применение в устойчивом развитии локальных сообществ, в совершенствовании системы местного самоуправления (в повышении ее эффективности), в оптимизации взаимодействия с местным населением при принятии управленческих и экономических решений (ориентация на выраженность территориальной идентичности и возможное прогнозирование этих результатов), а также в маркетинге и брендинге территорий.

Апробация работы и публикации. Основные положения исследования докладывались и обсуждались: на занятиях X, XI и XII международных научных школ-семинаров молодых ученых «Теория и практика географической конфликтологии» (г. Орел, 2009; г. Санкт-Петербург, 2010; г. Киев, 2011); на X международной междуниверситетской школе-семинаре молодых ученых «Методология и методика региональных исследований: из прошлого в будущее» (г. Смоленск, 2010); в рамках научно-практической конференции «Общие географические закономерности Земли: взгляд молодого ученого» на VIII БГФ (г. Санкт-Петербург, 2011); а также на XX международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» в секции «Социология коммуникативных систем» (г. Москва, 2013); на XII международной научно-практической конференции молодых ученых «Векторы развития современной России. Междисциплинарные научные интервенции» (г. Москва, 2013); на научном семинаре кафедры экономической и социальной географии России, семинаре комиссии социальной географии, географии населения и поселений Московского Центра (МГО) Русского географического общества «Постсоветский город» (г. Москва, 2013); на Всероссийской конференции с международным участием «Разнообразие как фактор и условие территориального развития» (г. Саранск, 2013); при работе XIII международной научно-практической конференции молодых ученых «Векторы развития современной России: от формирования ценностей к изобретению традиций» (г. Москва, 2014); в ходе V международной научной конференции сообщества профессиональных социологов «Социальная география, социобиология и социальные науки: моделирование и прогностика процессов развития регионов Ближнего Севера России» (Костромская обл., Мантуровский район, дер. Медведево, 2014).

Основные положения диссертации отражены опубликовано 10 статей и тезисов, в том числе в три статьи в журналах, включенных в перечень рецензируемых российских научных журналов для опубликования результатов диссертаций.

Структура диссертации состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложений. Основная часть работы изложена на 147 с. и содержит 26 рисунков и 10 таблиц. Список используемых источников включает 259 наименований.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ

1. Территориальную идентичность населения как научную аналитическую категорию можно представить в форме идентичности территории, идентичности территориальной общности людей, официальной и обыденной территориальной идентичности, активной и пассивной территориальной идентичности.

В настоящий момент накопилось большое количество междисциплинарных исследований по тематике территориальной идентичности. Каждая научная дисциплина понимает этот феномен исходя из собственных основ теоретического знания, в результате наблюдаются понятийно-терминологические разночтения (например, в области различения таких понятий, как «пространственная–региональная–локальная–местная идентичность/ самоидентификация/ самосознание/самоорганизация», «территориальная общность людей–региональная общность–локальное сообщество» и многие др.). Это свидетельствует о продолжающемся формировании понятийно-терминологического аппарата исследуемого явления. Таким образом, понятие территориальная идентичность может выступать аналитической категорией и представлять набор логически связанных концептов, отражающих его «плавающие признаки».

В сущностном отношении территориальная идентичность может выражаться в следующих концептах: «идентичность территории», «идентичность территориальной общности людей», «официальная территориальная идентичность», «обыденная территориальная идентичность», «активная территориальная идентичность» и «пассивная территориальная идентичность». «Идентичность территории» подразумевает чувства, эмоции, представления и переживания человека или общности людей о территории. Она проявляется в таких специфических понятиях, как «географический образ», «локальный миф», «культурный ландшафт» и др., разрабатываемые гуманитарной (когнитивной, имагинальной, сакральной) географией. «Идентичность территориальной общности людей» представляет вид коллективной идентичности, т.е. идентичности между людьми, проживающими территориально опосредовано. В этом случае отличие территориальной идентичностью от пространственного проявления социальной идентичности определяется через наличие в пер-

вом случае территориального интереса. Эмпирические исследования проводились на основе концепта «идентичность территориальной общности людей» (рис. 1), при этом наблюдался релятивизм проведенной границы между подходами.

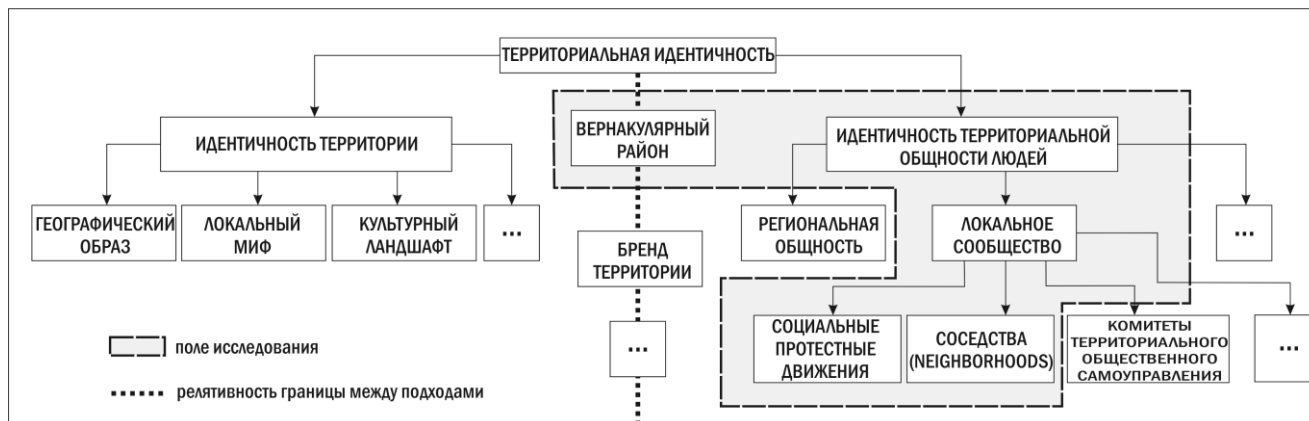

Рис. 1. Понятия в области территориальной идентичности в разрезе концептов «идентичность территории» и «идентичность территориальной общности людей» и поле объекта диссертационного исследования

В «официальной территориальной идентичности» объектом самоидентификации выступает институционально заданное «сверху» (административное) членение территории. В противоположность этому «обыденная территориальная идентичность» отражает повседневную жизнь людей в процессе территориальной самоидентификации и является преломлением официально заданной институциональной среды (самоидентификация «снизу», например, вернакулярные районы). «Активная территориальная идентичность» описывает местную самоорганизацию населения (например, социальные протестные движения низового характера). Любой другой вариант территориальной идентичности населения с доминированием топонимической основы самоназвания считается относящимся к «пассивной территориальной идентичности».

Территориальная идентичность как географическое явление проявляется на разных пространственных уровнях. Выделяются три основные иерархические ступени: верхняя – национальная и/или государственная идентичность, средняя – региональная идентичность, и нижняя – локальная идентичность. При этом преобладающими уровнями самоидентификации являются первый и последний. Поскольку верхний уровень территориальной идентичности находится в области изучения политических наук, то исследования в рамках настоящей работы осуществлялись на нижнем пространственном уровне и затрагивали сформированные выше концепты.

В теоретическом плане связь выделенных концептов выражается в следующем: для официальной территориальной идентичности характерна пассивная форма выраженности, в то время как активная форма свойственна обыденной территориальной идентичности. На среднем пространственном уровне (региональная идентичность) доминирует официальная, и, следовательно, пассивная территориальная идентичность. На нижнем пространственном уровне (локальная идентичность) преобладает обыденная, и, следовательно, активная территориальная идентичность (рис. 2).

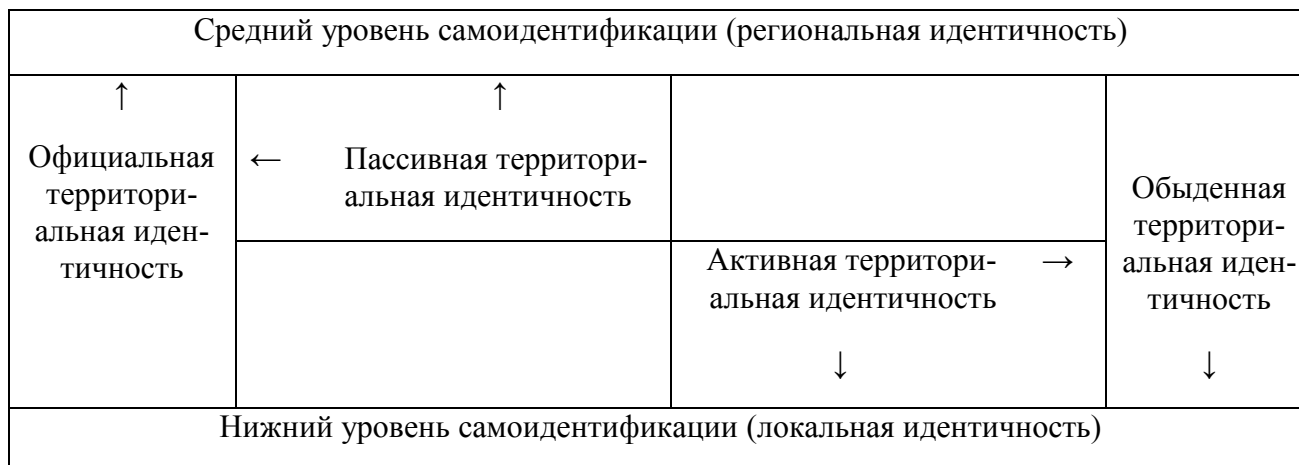

Рис. 2. Пространственная связь концептов территориальной идентичности населения

2. Активная форма территориальной идентичности проявляется в низовых протестных движениях местного населения типа «только не в моем дворе», направленных на защиту территории своего проживания. Переход пассивной в активную форму осуществляется под «негативным воздействием» на местное население.

Активная форма территориальной идентичности установлена в низовом активизме местного населения, а именно в общественных движениях типа «только не в моем дворе». Они характеризуются самоорганизацией и протестной деятельностью населения против любых изменений вблизи своего места проживания. Возникновение подобных движений обусловлено разными локальными проблемами, например уплотнительной застройкой города (движение «Жители Рублевки против уплотнительной застройки»), вырубкой лесопарковых зон («Народный штаб по защите Измайловского леса»), реконструкцией транспортной инфраструктуры («Нет реконструкции Ленинского проспекта»), строительством новых станций метрополитена, неудовлетворительной деятельностью ТСЖ и многими другими. Эти движения наилучшим образом отражают территориальные общности людей (локальные сообщества), поскольку ее члены обладают сильными внутренними социаль-

ными связями и высокой степенью сплоченности, основой для которой выступает общий территориальный интерес, направленный на защиту территории проживания.

Переход пассивной формы территориальной идентичности в активную форму вызван «негативным воздействием» этих проблем, которые усиливают имеющиеся резервы территориальной идентичности или приводит к появлению новых вариантов самоопределения личности. И тем самым переводит местное население (ранее «дремавшее») в состояние локального сообщества. Также отмечается связь в возникновении протестных движений с волной общероссийских политических настроений (2011–2013 гг.). Даже несмотря на то, что большинство активистов заявляли о своей личной «аполитичности» по отношению к российской верховной власти и не политическом характере их митингов, пикетов и акций, но при этом оппозиция «власть–народ» всегда здесь выражена, чаще всего в лице местной власти.

В выборку исследования были включены три низовых протестных движения: против медно-никелевых разработок в Воронежской области (далее антиникелевое движение в Прихоперье), «За Раменский парк» в г. Москве и движение по ул. Мостовая в пригороде г. Орла. Попадание в выборку исследования наряду с московским движением, орловского и прихоперских движений доказывает, что подобные протесты могут возникать не только в крупнейших городах. Но поскольку причина их создания носит малоизвестный характер для всего населения страны (например, проблема застройки небольшого участка земли), то они и остаются неизвестными, а иногда создается иллюзия их полного отсутствия в российском обществе.

Антиникелевое движение в Прихоперье носит экологический характер и выступает против разработки двух медно-никелевых месторождений (Елкинское и Еланское) в Новохоперском районе Воронежской области. Оно функционирует с мая 2012 г. по настоящее время на территории Воронежской, Тамбовской, Волгоградской и Саратовской областей и собирало на митинги в малых и средних городах до 10 тыс. участников. Первоначально предполагалось, что это движение нельзя относить к локальным, поскольку оно протекает на территории, по площади сопоставимой со средней административной областью Центральной России. Однако исследования показали, что антиникелевое движение представляет сеть инициативных групп и локальных движений, зачастую приуроченных к отдельным населенным пунктам. На момент начала протестной деятельности сформировалось порядка 35 движений, например, «Инициативная группа села Елань-Колено» (Воронежская область), «В защиту Прихоперья» (г. Урюпинск Волгоградской области),

«Инициативная группа жителей г. Балашова против добычи никеля» (Саратовская область). По сравнению с первыми этапами в настоящее время протестное движение претерпевает значительный спад. Если 2012 г. сопровождался многотысячными митингами, то в июле 2014 г. подобные мероприятия собирают порядка 300–500 участников. Сократилось и число антиникелевых движений. В настоящее время функционируют около семи движений, среди которых наиболее активны и многочисленны «Стоп никель» (Воронежская область), «Инициативная группа жителей г. Новохоперска против добычи никеля» (Воронежская область), «Воронеж против добычи никеля в Черноземье» (Воронежская область), «В защиту Хопра» (Воронежская область) и «Национально-культурная автономия казаков г. Урюпинска» (Волгоградская область). В каждом отдельном движении существует собственная внутренняя организация, иерархия активистов и набор их функции. На роль главного консолидирующего актора в антиникелевой деятельности выходили разные движения, но лишь немногие из них были способны координировать деятельность всего антиникелевого протеста, поскольку они размещались на большом расстоянии друг от друга и «трение пространства» не позволяло им эффективно взаимодействовать.

Движение «За Раменский парк» (г. Москва) препятствовало жилищной застройке парка, прилегающего к селитебной зоне Мичуринского проспекта и ул. Раменки. Протестное движение проводило, помимо митингов, и разнообразные акции (субботники в парке, высадку деревьев, тематические праздники), доказывая важность отстаиваемой территории для жизненного пространства всего локального сообщества. Число людей, активно выражавших свою позицию, уменьшалось по мере решения возникшей проблемы (в 2011 г. резолюцию протеста подписали 1254 человека, а уже в 2012 г. только 138 человек).

Протест по ул. Мостовая в пригороде г. Орла (Орловский район, пос. Зареченский) сформировался для противодействия строительству через этот поселок автомобильной дороги. В отличие от движения в Москве оно характеризовалось своей малочисленностью, слабой заинтересованностью местного населения и не сопровождалось митингами. Проведено всего несколько сходов жителей поселка. Активные действия предпринимались только со стороны членов ядра движения, всего около семи человек, проживающих на первой линии по отношению к реконструируемой автомобильной дороге (в наибольшей степени затронутых этой проблемой). В противоположность: в московском движении отмечалось участие активистов из многих районов города, а прихоперское движение против добычи никеля сопровождалось поддержкой активистов со всей страны.

Для активистов мотив их участия в протесте кроится в глубинных чувствах по отношению к защищаемой территории. Во всех рассмотренных случаях причастность территориальной идентичности местного населения к формированию протестного движения определялось посредством полуструктурированных интервью. Выделены несколько схем интерпретации проблемы, на основе которых информанты принимали решение об участии и/или организации протеста и при помощи которых повествовали о сложившейся негативной ситуации. Лишь в редких случаях доминирует одна из предложенных схем интерпретации, зачастую они дополняют друг друга.

1. «Местный житель». Информант рассказывает о своей жизни на этой территории (повествование с элементами биографии), проводя аналогии и сравнения с другими территориями известными ему. Описываются жизненные события, связанные с этим местом, подчеркивается долгосрочное проживание и связь с предшествующим поколением родственников. Если в жизни информанта отмечалась смена места проживания, то эта схема интерпретации начинает превалировать над остальными («везде красиво, а любим Прихоперье»).

2. «Местное сообщество». Эта интерпретация взаимосвязана с первым вариантом интерпретации «местный житель», однако в данном случае информант делает особый упор на взаимоотношения со своими соседями. В ней прослеживается наличие социальных связей между людьми, проживающими на отстаиваемой территории («соседей потеряю, отличных соседей»).

3. «Малая родина». Информант самостоятельно без уточняющих вопросов со стороны интервьюера акцентирует внимание, что он отстаивает интересы своей малой родины. Ни в одном из интервью эта схема интерпретации не существовала как главная и самостоятельная («Прихоперье – моя малая родина»).

4. «Историческая память». Отмечается причастность защищаемой территории к крупным историческим событиям, память о которых для информантов значима. Зачастую этим аргументируется выделение самобытности территории («это земля вечного казачьего владения, территория распространения власти казачьих законов»).

5. Экологическая схема интерпретации. Наиболее выраженная схема интерпретации проблемы, поскольку она чаще всего несет негативные экологические последствия для территории проживания сообщества («природа, конечно, погибнет»). Факт озабоченности местным населением экологической безопасностью можно рассматривать как территориальный интерес и территориальную идентичность, однако только в том случае, если его носитель

проживает или проживал в непосредственной близости от точки локализации проблемы, поскольку неоднократно встречался тип активиста (эколог), не имеющий прямого отношения к защищаемой территории, а борющийся со сложившейся экологической проблемой в целом.

6. «Образ жизни». Помимо экологических составляющих активистами движет желание сохранить свой прежний образ жизни, который они не готовы изменить («в парке отдохнуть можно с семьей»).

В движениях типа «только не в моем дворе» территориальная идентичность населения является фактором сплочения местного населения, отстаивающего интересы территории своего проживания. И тем самым влиять на систему принятия решений, которая должна учитывать мнение местного населения при реализации любого проекта. Территориальный охват движений типа «только не в моем дворе» зависит от потенциальной зоны влияния того или иного объекта: чем негативнее его последствия тем на большей площади активизируется местное население. При этом всегда существует определенный лимит пространства, в пределах которого местное население способно поддерживать свое взаимодействие в протестной деятельности.

3. Обыденная форма территориальной идентичности в низовых протестных движениях выступает важным инструментом мобилизации местного населения. Однако географические границы проживания членов локального сообщества (как в реальности, так и в их восприятии) отличаются от границ вернакулярного района, с которым происходит процесс самоидентификации.

На публичных акциях движений типа «только не в моем дворе» наблюдается выраженная самоидентификация с вернакулярным районом, территория которого попадает в потенциальную зону влияния «негативной проблемы» (например, формулировка плаката «Нет никелю в Прихоперье»). Это один из инструментов активистов, зачастую неосознанный, в мобилизации всего местного населения. Однако географические границы вернакулярного района всегда гораздо шире, чем локализация локального сообщества (адреса проживания членов протестного движения).

Обыденная форма территориальной самоидентификации в антеникелевом протесте приурочена к нескольким вернакулярным районам, например к таким, как Прихоперье, Черноземье и Хоперский казачий край. Они легко увязываются активистами как с экологическими последствиями от медно-никелевых разработок, а именно с загрязнением акватории Хопра, Новохоперского природного заповедника, плодородного чернозема так и

с зоной проживания донских казаков «верховых» станиц. Непосредственно прихоперская идентичность заключается в формировании образа Хопра как природного объекта («при Хопре») и лишь в редких случаях с Прихоперьем как цельным вернакулярным районом. Тем не менее, прихоперская идентичность дает основания для объединения антикелевых активистов из разных городов и населенных пунктов соседних административных областей.

На микрогородском уровне географические границы движения «За Раменский парк» определялись, во-первых, через пространственный анализ указанных в подписных листах мест проживания активистов, во-вторых, при помощи представлений информантов о территории проживания членов активного ядра протеста. Картографирование мест проживания активистов отразило географические границы локального сообщества (на момент сбора подписей). Наиболее отчетливые границы детерминированы физическими преградами в виде каскада прудов на р. Раменки, транспортной магистрали Мичуринского проспекта, гаражными кооперативами, а также в виде огражденных жилых комплексов. Физические преграды нарушают связанность городского пространства и, следовательно, отрицательно влияют на коммуникацию внутри локального сообщества. Остальные границы имеют слабую выраженность и определяются пешеходной доступностью к парку (рис. 3).

При интервьюировании членов движения предпринята попытка соотнесения в их представлениях границ района проживания (вернакулярного района Раменки) и территории проживания активистов. Обнаружено, что это два несводимых явления, поскольку границы первого практически всегда соответствовали официальной границе муниципального образования («от Воробьевых гор до ул. Лобачевского, от проспекта Вернадского до железной дороги»), а восприятие пространства проживания активистов движения характеризовалось меньшим пространственным ареалом, включая небольшую группу домов и придворовые территории вблизи парка («для меня пространственные ориентиры следующие: начиная от прудов, далее до ул. Раменки, потом остановка «Медцентр» и универсам»).

Несовпадение географических границ вернакулярного района и мест проживания активистов наблюдалось и в орловском движении. Самоидентификация активистов происходила с вернакулярным районом Зареченский, однако они не нашли поддержки в протестной деятельности со стороны всех жителей района.

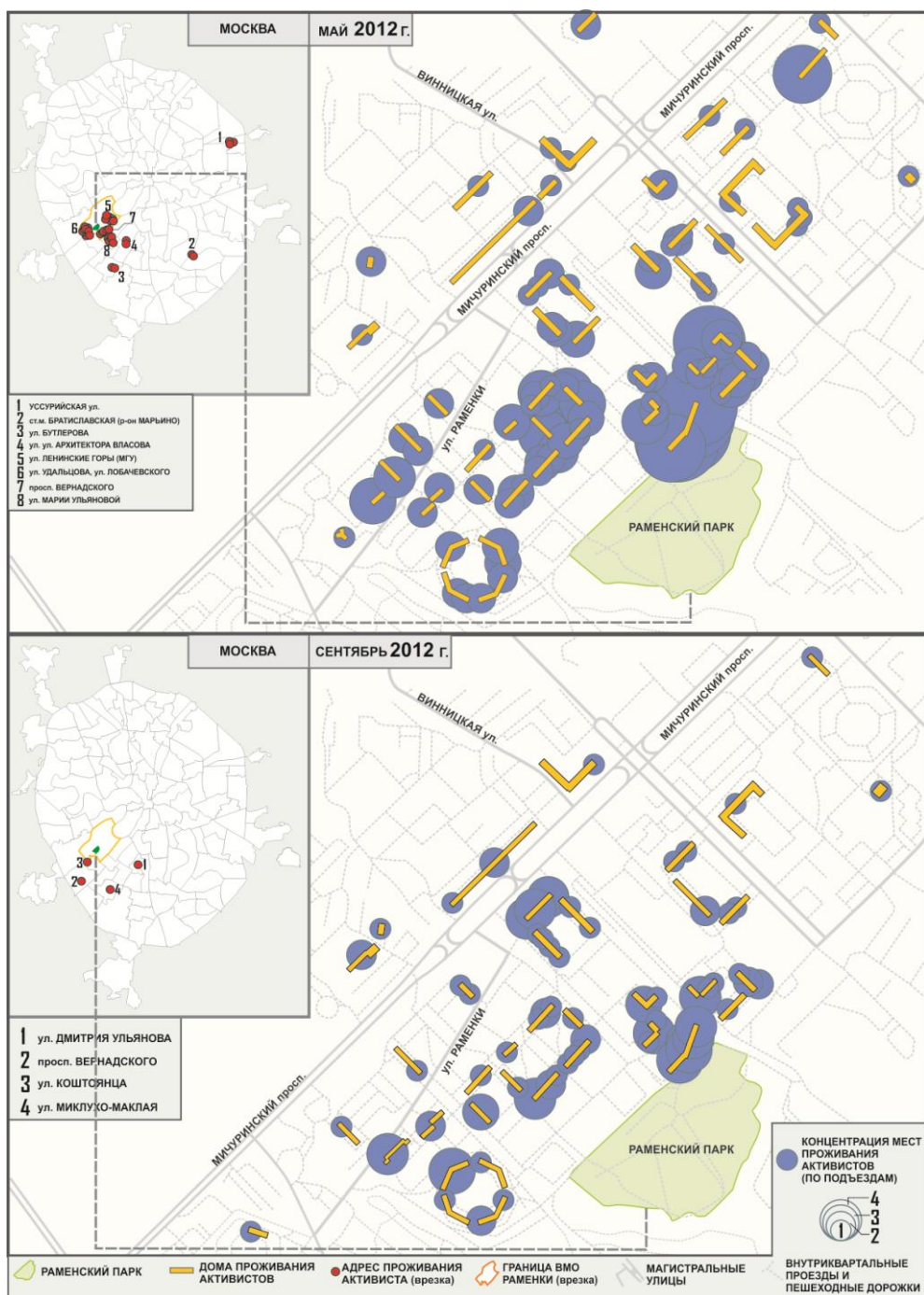

Рис. 3. Локализация низового протестного движения «За Раменский парк» во временном разрезе май–сентябрь 2012 г. (по данным подписных листов)

4. Изучение внутригородских вернакулярных районов наиболее полно может быть реализовано при комплексном применении различных методов: массового опроса горожан, глубинных интервью с местным населением и экспертами, контент-анализа средств массовой информации. Последний метод апробирован в качестве методики анализа частных объявлений в сфере недвижимости.

Исследование обыденной формы территориальной идентичности происходило на примере вернакулярных районов при помощи различных методов, поскольку их обнаруже-

ние и картографирование требует подбора специального комплекса процедур. Количественный социологический опрос позволяет установить наиболее выраженные, по мнению горожан, вернакулярные районы, но вызывает трудности с проведением географических границ на карте. Результатам качественного интервьюирования местного населения свойственно выделение географических границ районов с наименьшей степенью упрощения и полное покрытие пространства города сеткой районов.

Помимо социологических опросов и глубинных интервью использовалась разработанная методика контент-анализа частных объявлений в сфере недвижимости (городом ключом выступил Орел). Среди возможных категорий местной прессы выбор частных объявлений обусловлен наиболее частой отсылкой подающих объявления к неформальному членению городского пространства. Тем самым выявление вернакулярных районов происходило без участия интервьюера-исследователя. При всем удобстве метода, главным образом в сокращении времени полевых исследований, имеется ряд специфических особенностей, связанных с функционированием городской недвижимости. Во-первых, существует сезонная ритмика географических границ, а именно их пространственное расширение в период начала июня–конца сентября, когда горожане заняты поиском жилья для аренды, поскольку предпочтение при переезде отдается теплым сезонам года (в этот же период арендодатели учитывают сезонный спрос, возникший в результате учебной миграции в город и студенческой подвижности). Этот эффект выявлен в вернакулярных районах, отражающих в своем хорóбнине названия высших учебных заведений и районах, в которых они располагаются. Во-вторых, для рынка недвижимости большую роль имеет символическая ценность местоположения объекта в городе, поскольку стереотип престижного адреса формирует соответствующую ценовую категорию. Эффект «непрестижных» адресов, и/или районов, определяет выбор того или иного вернакулярного района для адресации объекта недвижимости. Во избежание материальных потерь человек умышленно не фиксирует район расположения недвижимости или указывает соседний более престижный вернакулярный район (например, в г. Орле район Бетонка, имеющий образ криминогенного района, заменяется соседним районом Южный). Подобная закономерность особенно прослеживается среди дорогостоящих предложений в разделе продаж трехкомнатных и многокомнатных квартир.

Символическая ценность местоположения объекта также связана с использованием формулировки «центр города». Поэтому в информационном пространстве частных объявлений наиболее выраженным является именно этот вернакулярный район. Расположение и

географические границы центра города по результатам контент-анализа значительно искажаются (расширяются) в отличие от результатов социологических опросов (рис. 4).

Помимо центра города, встречается употребление «центров для административных районов», например, центр Железнодорожного района, расположение которого приближено к центру города, а не к географическому центру соответствующего административного района. Зафиксированы «центры» многих вернакулярных районов, например, центр микрорайона или центр Выгонки (подобные случаи подтверждают выраженность в сознании горожан самого вернакулярного района).

Отбор информации для контент-анализа осуществлялся исходя из наличия в объявлении слова «район». Положительным не считался случай, когда для определения местоположения недвижимости автор употреблял городские ориентиры, даже при условии существования подобного района. Таким образом, в качестве смысловых единиц анализа использовались хоронимы (названия) вернакулярных и административных районов. Во временном разрезе с 1997 по 2013 г. обыденная территориальная идентичность, а именно встречаемость хоронимов вернакулярных районов, доминирует до середины 2000-х гг. над официальной территориальной идентичностью. В настоящее время намечается обратный тренд: частота употребления хоронимов административных районов в газетных объявлениях в 3–5 раз превышает аналогичный параметр для вернакулярных районов (табл. 1).

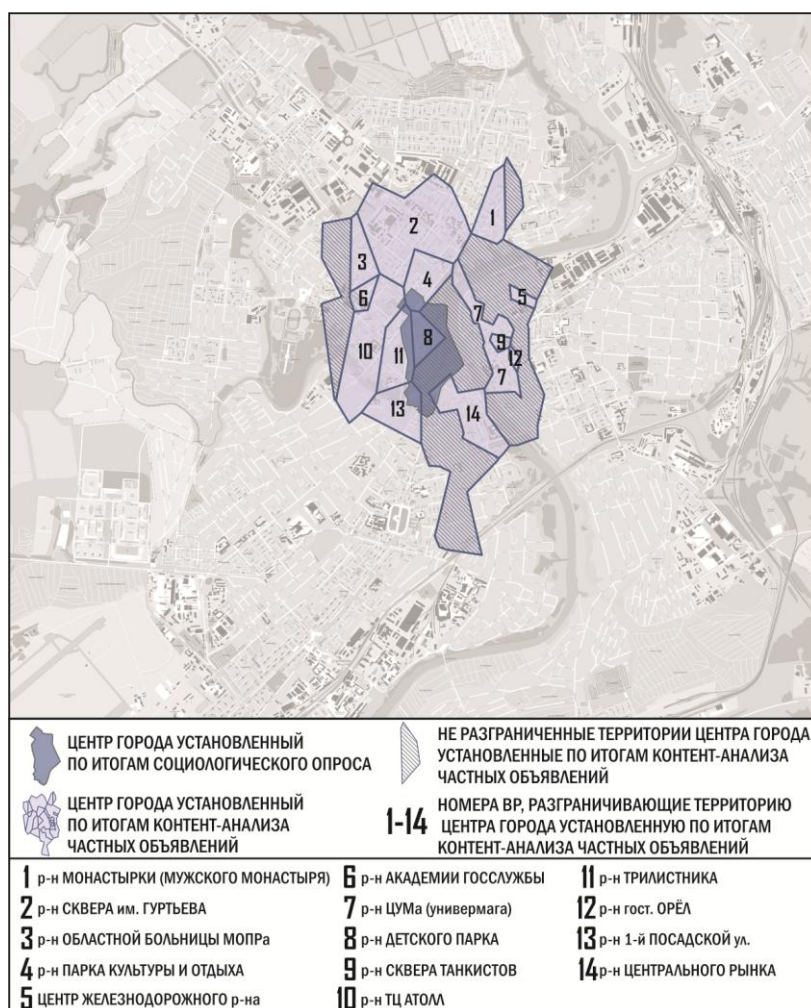

Рис. 4. Сопоставление географических границ центра города Орла

(границы установлены по результатам социологического опроса населения и контент-анализа частных объявлений в сфере недвижимости, последние представлены «Диаграммами Вороного»)

Таблица 1. Встречаемость хорóнимов вернакулярных и административных районов г. Орла в частных объявлениях раздела «Недвижимость» рекламно-информационной газеты «Моя реклама»

(в разрезе недель одного месяца по годам, в % от общего числа объявлений)

Характеристики анализируемых категорий	5.05.1997–11.05.1997	8.05.2000–14.05.2000	2.05.2005–8.05.2005	10.05.2010–16.05.2010	20.05.2013–26.05.2013
Частота выпуска номеров	1 раз в неделю	1 раз в неделю	2 раза в неделю	1 раз в неделю	2 раз в неделю
Общее число объявлений	1093	1520	2250	2023	2028
Встречаемость хорóнимов ВР	35,96	43,16	47,42	18,29	14,99
Встречаемость хорóнимов АР	10,56	26,98	28,39	57,84	57,69
Встречаемость хорóнимов ВР и АР в одном объявлении ¹	0,91	0,99	0,71	0,29	0,30
Встречаемость хорóнимов АР и ВР в одном объявлении ²	0,73	0,46	0,45	0,39	0,43
Встречаемость хорóнимов ВР с адресом объекта недвижимости ³	2,75	5,26	7,69	15,36	15,13

¹ Административный район имеет первостепенное значение по отношению к вернакулярному району в текстах объявлений (например: «продается однокомнатная квартира в Заводском районе, в районе Пединститута»).

² Административный район имеет второстепенное значение по отношению к вернакулярному району в текстах объявлений (например: «сдается в аренду помещение в центре города, Советский район, ул. 60-летия Октября»).

³ В текстах объявлений указан вернакулярный район и адрес расположения объекта недвижимости (улица и номер строения), что позволяет определить его точное расположение в городе.

5. Интегральная сеть вернакулярных районов, составленная при помощи центр-периферийной модели, покрывает всю территорию города без остатка формируя ядра и переходные зоны.

При изучении вернакулярных районов на уровне городской общности людей использовались качественные социологические методы исследования – полуструктурированные интервью, которые позволили приурочить ментальные границы районов к местности с большой степенью генерализации. Проведение границ вернакулярных районов осуществлялось с использованием картосхемы города. Информанту предлагалось обозначить существующие внутригородские районы со словесным описанием их названий, бытующих стереотипов, а также обосновать проведение географических границ. Катего-

рия малого города (ключом выступили г. Кимры Тверской области) с учетом людности и площади оказалась наиболее пригодной для этого исследования, поскольку информанты имели развитую пространственную ориентацию, легко использовали городские ориентиры, знали внутреннюю географию города.

При индивидуальном вернакулярном районировании, исходя из представлений отдельно взятого информанта, отмечаются лакуны, географические границы представлены в виде переходных зон (рис. 5). При наложении географических границ всех вернакулярных районов формируется интегральная карта, отвечающая принципам географического районирования территории (рис. 7). Для перехода от индивидуального районирования к составлению интегральной карты вернакулярных районов выработана процедура районирования территории на основе центр-периферийной модели. Она позволяет покрыть вернакулярными районами городское пространство без остатка.

При этом выделяются два этапа районирования. На первом этапе происходит совмещение границ для отдельно взятого вернакулярного района. Детально процедура представлена на примере вернакулярного района – центр города (рис. 6). В результате наложения на схеме выявляется территория, которая без сомнения причислена всеми информантами к этому вернакулярному району (истинное ядро района). Далее, анализируя сеть границ исходя из их частоты встречаемости, выделяются наименее повторяющиеся участки территории вернакулярного района. Модус выраженности вернакулярного района падает от ядра к его окраине. Для объяснения этого явления выбрана центр-периферийная модель. В ней к категории «Центр» отнесена территория, считающаяся этим вернакулярным районом всеми информантами. Категория «Периферия» вернакулярного района вбирает ту его часть, которая была отмечена только один информантом. И соответственно, «Полупериферия» промежуточный вариант частоты упоминания территории для этого района. Подобная процедура осуществляется для каждого из вернакулярных районов.

Второй этап заключается в расположении всех центр-периферийных моделей районов на одном рисунке. На интегральный рисунок (рис. 7) переносятся только те вернакулярные районы, которые отмечались информантами хотя бы два раза. При наложении наблюдается сложное пересечение периферийных и полупериферийных территорий разных вернакулярных районов друг с другом. Прибегая к принципу суперпозиций, приоритет тогда отдается категории, наиболее близко расположенной к центру модели. Пересечение географических границ территорий, относящихся к категории «Центр» модели, не отмечалось.

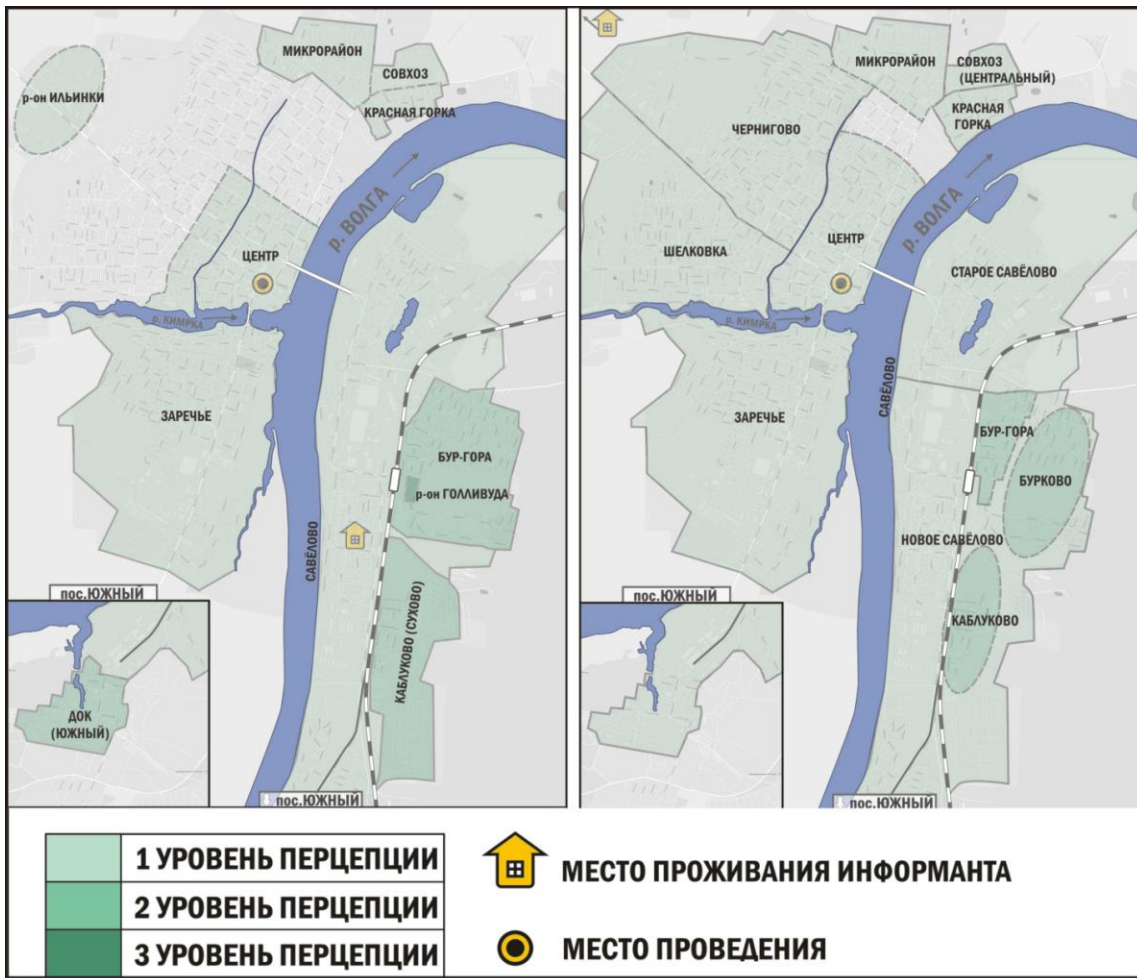

Рис. 5. Изображение вернакулярных районов г. Кимры исходя из представлений одного информанта
 (на рисунке слева использованы данные интервью № 4, на рисунке справа – интервью № 8)

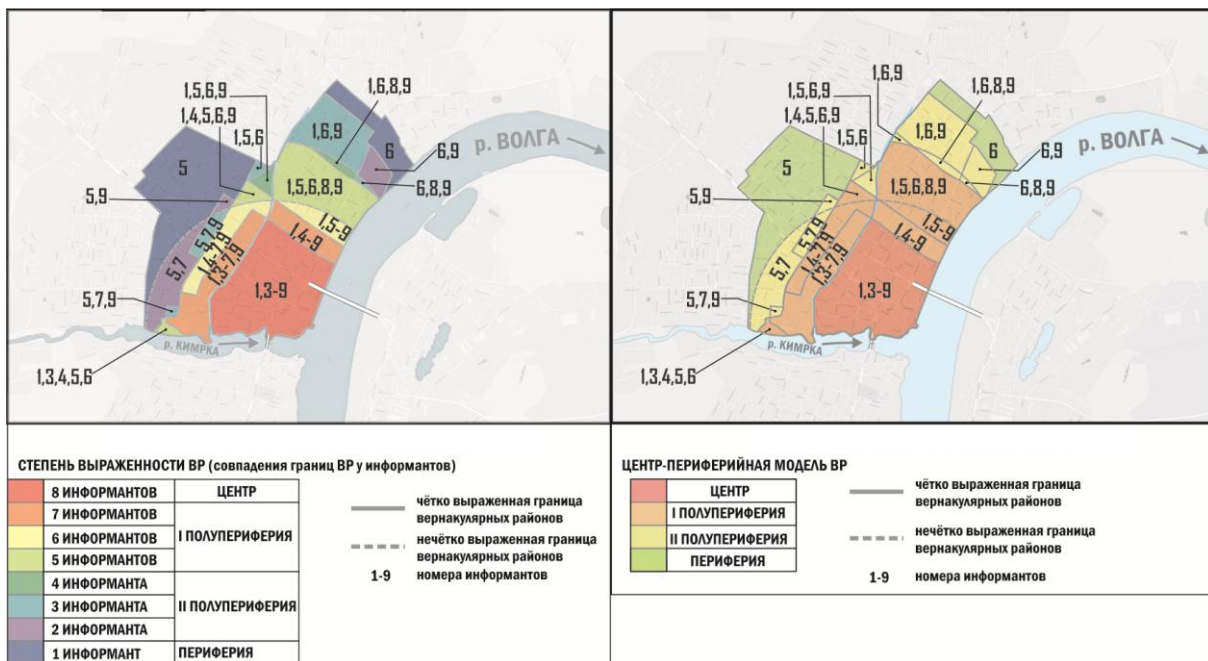

Рис. 6. Центр-периферийная модель вернакулярного района центр города Кимры
 (процедура совмещения всех географических границ центра города)

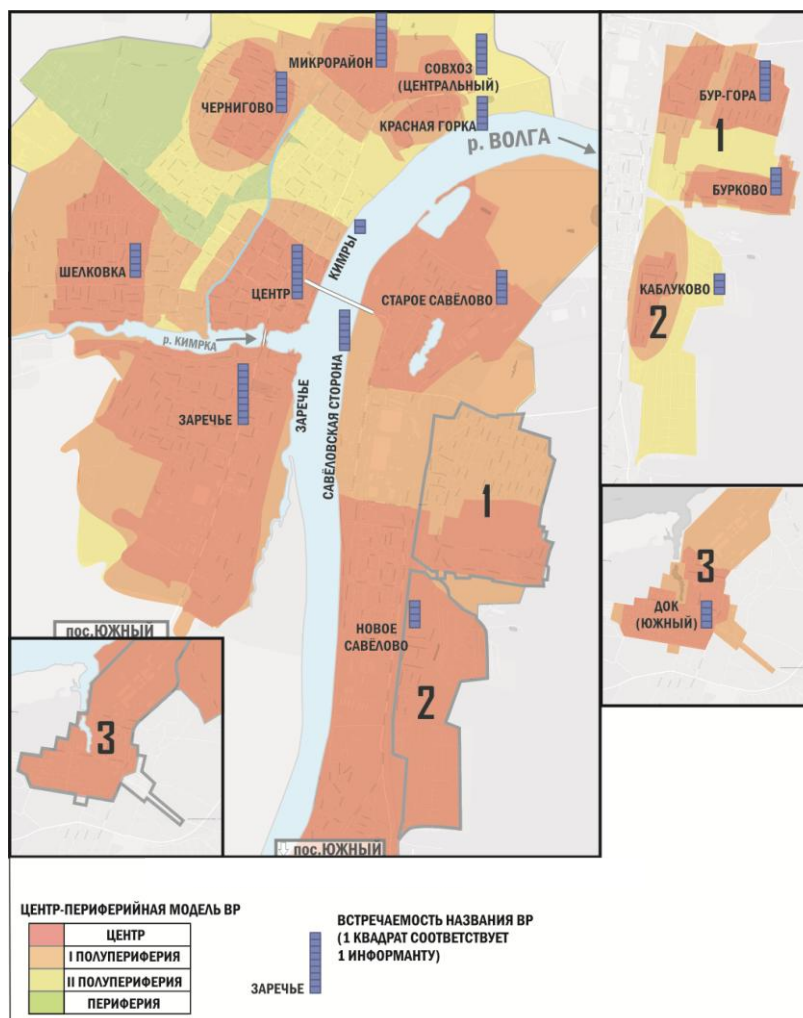

Рис. 7. Центр-периферийная модель vernacularных районов г. Кимры (интегральная сеть районов)

6. В ментальной структуре города наименее известной частью для городского сообщества в целом выступают vernacularные районы, расположенные на полупериферийных территориях.

При исследовании vernacularных районов разными методами в крупных и малых городах установлена географическая зависимость названия в степени их выраженности. Vernacularные районы, расположенные в центре и на периферии городской территории, обладают высоким модусом выраженности по отношению к полупериферийным районам. Подобная тенденция наблюдалась по результатам социологического опроса населения, где наиболее употребляемыми стали именно окраинные vernacularные районы, а в случае с полупериферийными районами отмечался эффект расплывчатых границ и двойного названия. Такая же закономерность прослеживалась и в процессе глубинных интервью: наибольшие затруднения у информантов с членением территории города на vernacularные районы вызывало пространство возле исторического центра города (рис.5). По ре-

зультатам контент-анализа частных объявлений встречаемость полупериферийных также ниже, чем периферийных вернакулярных районов (рис. 8).

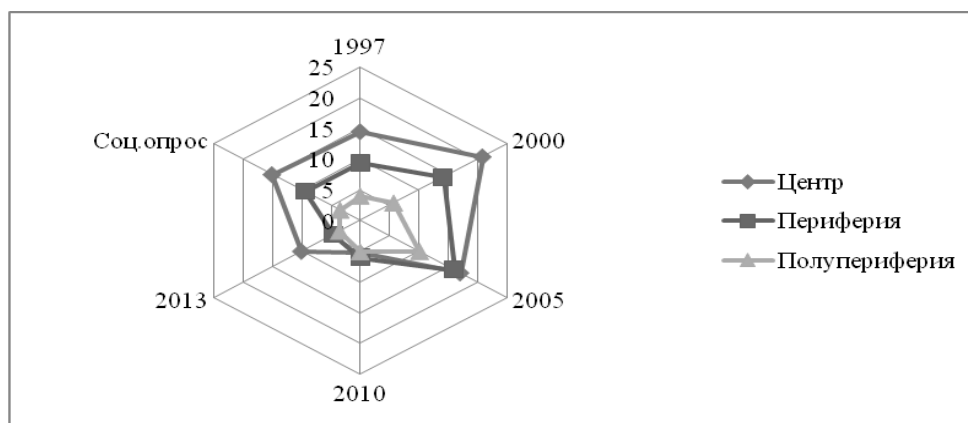

Рис. 8. Выраженность хоробнимов центральных, полупериферийных и периферийных вернакулярных районов г. Орла (средневзвешенное число упоминаний)

Выраженность центра города и периферийных вернакулярных районов объясняется следующим. В ментальной карте горожан центр города, историческая часть города, наполнена смыслами и ценностями, в результате чего она формирует собственный вернакулярный район либо в силу разнообразия и насыщенности информацией влияет на восприятие соседних территорий, стирая их из цельной картины мысленных представлений. Периферийные вернакулярные районы, являясь окраинными территориями, выступают крайними точками городского пространства и легко поддаются запоминанию. Большинство современных периферийных вернакулярных районов до момента официального вхождения в черту города функционировали как отдельные территориальные образования (слободы, деревни, поселки при заводах и пр.), в силу этого они сохранили выраженную локальную идентичность местного населения. Срединные (полупериферийные) вернакулярные районы, располагаясь между подобными мощными «магнитами», не выдерживают конкуренции.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

На основе анализа понятийно-терминологического аппарата существующих междисциплинарных исследований для территориальной идентичности населения как аналитической категории выделены следующие концепты: «идентичность территории», «идентичность территориальной общности людей», «официальная территориальная идентичность», «обыденная территориальная идентичность», «активная территориальная идентичность» и «пассивная территориальная идентичность». В теоретическом плане

локальной идентичности, а именно нижнему уровню территориальной самоидентификации, чаще всего свойственны проявления обыденной и активной формы территориальной идентичности, однако по результатам эмпирических исследований подобная зависимость проявилась при условиях изложенных ниже.

Активная форма территориальной идентичности наблюдалась в низовых протестных движениях типа «только не в моем дворе». Их формирование происходит на основе территориальной идентичности местного населения, а переход пассивной в активную форму осуществляется в результате «негативного воздействия» потенциальных изменений окружающей среды проживания. Для этого случая апробирована пространственная модель дихотомии «свой–чужой». В ней показан механизм того, как «чужой» на «своей» территории (относительно рассмотренной территориальной общности людей) способен воздействовать или усиливать самоопределение личности, как представителей общности людей, и/или локального сообщества в географическом пространстве. Обыденная форма территориальной идентичности (вернакулярный район) в низовых протестных движениях выступает важным инструментом активистов для мобилизации всего местного населения. Однако географические границы вернакулярного района всегда гораздо шире, чем локализация адресов проживания участников протестного движения.

Изучение внутригородских вернакулярных районов наиболее полно может быть реализовано при комплексном применении различных методов. Качественное интервьюирование местного населения позволяет представить интегральную сетку вернакулярных районов как вариант обыденного вернакулярного районирования. Подобному виду районирования свойственно полное покрытие пространства города сетью районов, но выраженность каждого района всегда снижается от ядра к его окраине. Количественный социологический опрос выявляет наиболее выраженные, по мнению горожан, вернакулярные районы. Количественно-качественный анализ частных объявлений в сфере недвижимости (контент-анализ) дает возможность оценить роль официальной (административные районы) и обыденной (вернакулярные районы) территориальной идентичности горожан. При исследованиях в г. Орле перевес смысловой выраженности первого над вторым оценен как 3–5-кратный. При помощи контент-анализа частных объявлений установлено, что эффект престижного адреса расширяет географические границы центра города. При анализе вернакулярных районов всеми перечисленными методами установлена слабая выраженность вернакулярных районов, расположенных в полупериферийной части города.

По теме диссертации опубликованы следующие работы

1. **Карлова Е.В.** Регион Орловщина как результат пространственной самоидентификации населения // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2012. – №3 (47). – С. 299–305.

2. **Карлова Е.В.**, Харченко С.В. О связи географических границ городских вернакулярных районов с природными рубежами (на примере крупных городов Центральной России) // Региональные исследования. – 2014. – №2 (44). – С. 102–144.

3. **Карлова Е.В.**, Зюзин П.В. Локальные сообщества жителей в условиях транспортных городских барьеров // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. – 2014. – № 5. – С. 36–41.

4. **Карлова Е.В.** Ментальное восприятие пространства Орла на примере исследования престижности микрорайонов города // Круг географии в XXI веке: взгляд молодого ученого. Сборник статей по материалам научно-практической конференции молодых ученых (в рамках VII Большого географического фестиваля) 9 апреля 2010 г. В 2-х частях / Факультет географии и геоэкологии СПбГУ. – СПб., 2010. – Ч. II. – С. 593–599.

5. **Карлова Е.В.** Ментальная дифференциация г. Орла // Национальные ценности России: поисково-исследовательская, эколого-географическая, туристско-краеведческая деятельность в гражданско-патриотическом воспитании молодежи: сборник научных статей. – Орел, 2010. – С. 90–93.

6. **Карлова Е.В.** Метод главных потенциалов для выявления зоны влияния г. Орла // Вестник студенческих работ Орловского государственного университета в рамках («Недели науки-2011»): сборник научных статей. – Орел, 2011. – №3. – С. 108–110.

7. **Карлова Е.В.** Теория и методика изучения территориальной общности людей «по самосознанию» // Географические науки в обеспечении стратегии устойчивого развития в условиях глобализации (к 100-летию со дня рождения профессора Н.Т. Романовского): материалы Междунар. науч.-практ. конф., 25–28 окт. 2012 г., Минск, Беларусь/ Редкол.: И.И. Пирожник (гл. ред.) и др. – Минск: Изд. центр БГУ, 2012. – С. 311–313.

8. **Карлова Е.В.** Проявление территориальной идентичности в городском общественном движении (на примере движения «За Раменский парк», г. Москва) // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, М.В. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/2263/53631_9366.pdf.

9. **Карлова Е.В.** Отражение образа жизни в территориальной самоидентификации локального сообщества в сельской местности Центральной России // Эволюция регионов России и стратегии их социокультурной модернизации: материалы IX Всерос. науч.-

практ. конф. по прогр. «Социокультурная эволюция России и ее регионов», г. Вологда, 23–26 октября 2013 г.: в 3-х ч. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – Ч. II. – С. 419–424.

10. *Карлова Е.В.* Коллективная территориальная идентичность и локализация внутригородского сообщества типа «grassroots» // Векторы развития современной России. Междисциплинарные научные интервенции. Материалы XII Международной научно-практической конференции молодых ученых: сборник материалов, г. Москва, 19–20 апреля 2013 / под общ. ред. М.Г. Пугачевой – М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2014. С. 90–99.

ОГЛАВЛЕНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение

Глава 1. Основные направления исследований по тематике территориальной идентичности

- 1.1. Переход от теорий идентичности к территориальной идентичности населения
- 1.2. Междисциплинарный опыт изучения территориальной идентичности населения
- 1.3. Территориальная общность людей как объект исследования территориальной идентичности населения

Глава 2. Теоретико-методологические принципы исследования

- 2.1. Территориальная идентичность населения как аналитическая категория
- 2.2. Ключевые вопросы изучения территориальной идентичности населения
- 2.3. Методы исследования и выбор исследовательских случаев

Глава 3. Опыт исследования территориальной идентичности в ключевых точках Центральной России

- 3.1. Активная форма территориальной идентичности населения в низовых протестных движениях
- 3.2. Пассивная форма территориальной идентичности населения
- 3.3. Официальная и обыденная формы территориальной идентичности населения

Заключение

Список литературы

Приложения